

Трудно было вообразить, что под мирной личиной благополучного общества скрываются подобные банды. Обывателям они казались чем-то далёким, из разряда страшных баек, однако местные торговцы дрожали при одном их упоминании. Судя по всему, эти стервятники орудовали здесь уже давно и чувствовали себя полными хозяевами положения.

Гоудань понял, что поначалу недооценил угрозу. Перед ними стояли вовсе не те деревенские лоботрясы или заезжие оборванцы, с которыми ему приходилось иметь дело дома. У этих головорезов имелась четкая организация. Они не походили на уличную шваль, сбивающуюся в кучи ради мелких краж и хулиганства.

Словно по невидимому сигналу, банда пришла в движение. Враждебность и презрение, сквозившие в их оскалах, юноши почуяли сразу.

Забыв о мешках на земле, парни приготовились к бою. На них обрушился шквал ударов: в ход пошли железные арматурины и тяжелые дубины. Гоудань прекрасно знал, как драться против толпы. Он не стал сдерживаться. Каждое его движение было выверено и сокрушительно: один удар — один покалеченный противник, без малейшего шанса подняться и снова вклиниться в драку.

Уже через пару секунд несколько бандитов катались по земле, истошно воя от боли. Заметив это, их вожак что-то гаркнул, махнув рукой. Свора, вооруженная тесаками, мгновенно переключилась на Ван Сюаня, который до этого почти не вступал в бой, держась в стороне.

Ублюдки решили, что нащупали слабое звено. Гоудань лишь мысленно усмехнулся: если сам он полагался на грубую силу своих кулаков, то в арсенале А-Сюаня водились штучки куда изощреннее.

— Не жалея их, А-Сюань! — крикнул Гоудань, уклоняясь от очередного замаха. — Эти твари дело свое знают, так что совеститься нечего. Бог весть сколько на них грехов, да и нас они щадить не планировали!

Гоудань всегда следовал простому правилу: если враг с самого начала жаждет пролить твою кровь, глупо проявлять милосердие. Даже если у них ничего не вышло, ублюдки должны запомнить эту встречу до конца своих дней.

Не прошло и десяти минут, как вся банда валялась на земле, оглашая переулок жуткими стонами. Присмотревшись, Гоудань с удивлением обнаружил, что покалечил меньше народу, чем его спутник. Оставалось только гадать, какие новые, еще более зловещие порошки и снадобья А-Сюань успел изобрести за последнее время... От этой мысли у Гоуданя даже испарина на лбу выступила.

Тот пройдоха, что успел навьючить ворованные мешки на велосипед и намертво их прикрутить, смекнул, куда дует ветер. Он судорожно развернул руль, собираясь дать стрекача. Гоудань ленивым движением мыска подцепил валявшийся под ногами стальной прут, подбросил его в воздух и мощным щелчком отправил в полет. Железяка со свистом рассекла воздух. Раздался

глухой удар, сменившийся истошным воплем: импровизированное копье насквозь пробило икроножную мышцу беглеца. С силой и меткостью Гоуданя он запросто мог раздробить ублюдку кость, но калечить его на всю жизнь не хотел — ограничился суровым уроком.

— Надо же, улепetyвает, а чужое добро выпустить жалко, — процедил Гоудань.

Бандит рухнул в пыль. Тяжелый велосипед покачнулся и завалился набок, к счастью для беглеца, в противоположную сторону, иначе его просто раздавило бы грузом.

Те, кому не повезло попасть под горячую руку Гоуданя, либо уже валялись без чувств, либо корчились на земле, отделавшись, впрочем, ушибами да трещинами в ребрах. А вот несчастные, которых угостил А-Сюань...

«Кто-то, возможно, упрекнул бы парней в излишней жестокости: мол, бандиты ведь не успели причинить им вреда. Но Гоудань смотрел на вещи трезво. Не будь у них с А-Сюанем силы и сноровки, в этих мешках сейчас лежали бы их собственные тела»

Напоследок Гоудань подошел к тем ублюдкам, что смели замахнуться тесаками на А-Сюаня. Действуя без лишней суеты, он методично наступил каждому на правое предплечье. Раздался сухой хруст. Гоудань владел своим телом филигранно: кости внутри превратились в крошево, но кожа и мышцы остались целы, не пролив ни единой капли крови. Любой, кто осмелился поднять на них оружие, должен был сполна заплатить за свою дерзость.

— Уходим, — негромко бросил Гоудань.

Позади, в зловещем полумраке безлюдного переулка, надрывались покалеченные бандиты. Их затихающие стоны и хрипы превращали это глухое место в подобие преисподней, от которой веяло могильным холодом.

Быстро покатав груженные велосипеды прочь, юноши углубились в кромешную тьму заброшенного пустыря. Убедившись, что вокруг нет ни единой живой души, они в то же мгновение бесшумно спрятали весь товар вместе с велосипедами в свое верное Сокровище.

Достав из пространственного кармана новые, дорогие вещи, они переоделись с головы до ног, натянули щегольские кепки и накинули на плечи добротные заграничные рюкзаки. Обрато к свету они вышли уже совершенно другими людьми.

Сделав крюк по запутанным переулкам, юноши выбрались на широкую улицу подальше от места недавней схватки. Если торговые кварталы города еще шумели и сияли неонам, то здесь, в спальном районе, жизнь уже замерла. Окна домов темнели слепыми глазницами, жильцы давно спали. Парни толком не знали дороги и шли наугад, стараясь держаться подальше от неблагополучного переулка. В глухой тишине ночи отчетливо раздавался лишь мягкий шорох их собственных шагов.

Спустя полчаса блужданий они наконец вышли к освещенной трассе, где изредка шуршали шинами редкие автомобили. Остановившись под тусклым конусом фонарного света, ребята принялись приводить друг друга в порядок: заново завязали шнурки, перестегнули пуговицы, в спешке застегнутые криво, и отряхнули невидимую пыль. Осмотрев друг друга и убедившись, что выглядят безупречно, они сверились с дорожным указателем и направились к видневшемуся впереди оживленному перекрестку.

Вместо запыленной, невзрачной деревенской одежды на них теперь красовались стильные, дорогие вещи. В таком облачении они ничем не отличались от отпрысков обеспеченных городских семей. Выдать их могло разве что полное незнание местного диалекта.

— Давай поищем какого-нибудь частника, — негромко предложил Гоудань. — Если пойдем пешком, рискуем опоздать на поезд.

Они совершенно потерялись в лабиринте чужих улиц и понятия не имели, приближаются они к вокзалу или отдаляются. Хоть шли они всего полчаса, скорость их шага была такова, что за это время они могли уйти очень далеко.

Судьба вывела их к небольшому скверу посреди жилого квартала, размером примерно с три баскетбольные площадки. Площадь была залита ярким светом фонарей. На лавочках сидели старики, неторопливо обмахиваясь веерами в ночной прохладе, а вокруг с визгом носилась детвора. Чуть поодаль устроился уличный торговец с коромыслом, предлагая прохожим прохладное желе, а рядом тускло светила витрина крошечного продуктового киоска.

Поправив козырек кепки, Гоудань вместе с А-Сюанем подошел к киоску. Два высоких, статных парня в безупречной одежде мгновенно привлекли к себе внимание местных жителей — чужаков здесь видели редко. Хозяйка лавки, полная женщина, до этого лениво сидела на табурете у входа, покачивая веером и болтая с соседками. При виде неожиданных гостей она с любопытством окинула их взглядом с головы до ног.

— Чего надобно, ребятки? — спросила она на местном наречии.

Уловив общий смысл, А-Сюань вежливо кашлянул и заговорил на путунхуа, стараясь произносить слова как можно отчетливее:

— Здравствуйте. Мы бы хотели купить чего-нибудь в дорогу. Скоро поезд, а мы еще не ужинали. У вас найдется какая-нибудь еда?

Толстуха лишь растерянно моргнула, не разобрав ни слова, но один из сидевших рядом мужчин пришел на помощь и быстро перевел ей суть дела. Смекнув, в чем дело, хозяйка засуетилась, пригласила парней внутрь и указала на скромные полки, заваленные шуршащими пакетиками:

— Вот, выбирайте. Только это и есть.

Ребята переглянулись. В таком тесном дворовом магазинчике, торгующем в основном солью да соевым соусом, из съестного для путников едва ли могло найтись что-то стоящее. На полках сиротливо теснились дешевые детские сладости по мао за пачку, где внутри было всего три-четыре конфетки, да лапша быстрого приготовления за пол-юаня, которую детвора грызла сухой.

А-Сюань с самым невозмутимым видом набрал несколько упаковок сушеных кислых слив, пачку треугольного печенья и попросил взвесить килограмм подсолнечных семечек, которые хозяйка завернула в старую газету. К этому нехитрому набору он добавил две бутылки лимонада. Напитки продавались в стекле, и покупатели обычно осушали их прямо у прилавка, возвращая тару, но А-Сюань заплатил сверху за бутылки, чтобы забрать их с собой.

Расплачиваясь, он как бы между прочим спросил, нельзя ли нанять здесь какую-нибудь попутку до вокзала — мол, засиделись в гостях у друзей и совсем потеряли счет времени, теперь вот рискуют опоздать на поезд.

Переводчик снова пришел на выручку. Услышав, что за ценой заезжие щеголи не постоят, хозяйка лавки высунулась на улицу и зычно крикнула кому-то наверх. В окне второго этажа показалась взлохмаченная голова, зыркнула вниз и скрылась. Буквально через пару минут во двор вышел долговязый, чрезвычайно худой мужчина с заметной сутулостью. Из одежды на нем были лишь застиранная белая майка-алкоголичка да цветастые шорты до колен, а обут он был в простые резиновые сланцы, которыми уныло шлепал по асфальту.

К облегчению ребят, долговязый сносно изъяснялся на путунхуа, хоть и с диким южным акцентом. Он тут же принялся жаловаться, что соваться на дорогу глухой ночью — дело опасное, да и бензин нынче дорог, так что поездка влетит в копеечку. А-Сюань ради приличия немного поторговался, но быстро согласился на озвученную сумму. За время пребывания в городе они уже успели прицениться к местным услугам и понимали реальную стоимость вещей.

Запрошенные деньги по местным меркам были немалыми, однако для парней, карманы которых ломились от наличности, эта сумма была сущим пустяком. Мужчина достал из кармана связку ключей, открыл глухую боковую дверь пристройки и выкатил во двор... настоящий мотоцикл!

Подобная роскошь в те годы встречалась нечасто. Ребятам еще ни разу не доводилось ездить на двухколесном железном коне, хотя они прекрасно знали, какой неистовый рев издает эта пожирающая бензин машина. Владелец явно сдувал со своего сокровища пылинки: оно хранилось под плотным брезентовым чехлом. Когда покрывало сняли, стало ясно, что мотоцикл далеко не новый. Хоть его и бережно чистили до зеркального блеска, следы времени скрыть не удалось.

Впрочем, именно поэтому сутулый и согласился подработать извозчиком. Будь мотоцикл новеньким, прямо с завода, хозяин ни за что не стал бы сажать на него посторонних за какие-то бумажки.

— Солидный аппарат, брат, — с уважением произнес Гоудань. — Где раздобыл такого красавца?

— А то! — приосанился тот, польщенный похвалой. — Пускай не с иголки, списанный уже, зато бегаёт как зверь. Мне его по знакомству со склада уценили, без связей к такому добру и близко не подпустили бы.

— Слушай, приятель, — заговорщицки подмигнул Гоудань. — Я видел, как тут некоторые к велосипедам тележки приваривают, чтобы возить тюки и пассажиров. С твоим-то конем ты всех местных извозчиков за пояс заткнёшь. Смастерил бы прицеп — отбоя от клиентов не было бы.

Хозяин мотоцикла призадумался. Покупка двухколесного транспорта высосала из семейного бюджета все сбережения до последнего фэня, о чем он втайне уже начинал жалеть. Мужская страсть к технике победила разум, но теперь ему приходилось ежедневно выслушивать яростные пиления жены из-за пустого кошелька. А ведь идея юнца действительно имела смысл.

Мужчина вставил ключ в замок зажигания, открыл бензокран и несколько раз резко нажал ногой на педаль кикстартера. Парни мало что понимали в этих манипуляциях, но уже через секунду железное нутро машины отозвалось тяжелым вздохом, а затем раздался оглушительный треск. Мотоцикл задрожал, обдав двор сизым облаком выхлопных газов.

— Прыгайте живее! — зычно крикнул хозяин сквозь грохот мотора.

Дважды просить ребят не пришлось. Они мигом взгромоздились на узкое сиденье позади водителя. Местная детвора и любопытные соседи, обступившие диковинную технику, восторженно зашумели. Мотоцикл взревел, взрывая тишину ночи, рванул с места и скрылся за поворотом в клубах сизого дыма. Сзади еще долго неслись восторженные крики пацанов, безуспешно пытавшихся угнаться за стремительно удаляющейся машиной под сердитые окрики родителей.

Для ребят это был совершенно новый опыт. Железный конь несся вперед с поразительной скоростью, оставляя далеко позади унылые воспоминания о велосипедной езде. Оглушительный треск выхлопной трубы заглушал все вокруг, а встречный ветер упруго бил в лица, шевеля волосы под козырьками кепок и принося неопишуемое чувство дикой, хмельной свободы. Фонарные столбы сливались в сплошную световую полосу, стремительно проносясь мимо.

«Теперь Гоудань понимал, почему мужчины так грезят о скоростной технике. Ощущение полета над асфальтом пьянило разум»

В этот миг сердца обоих юношей бились в едином восторженном ритме. Ночная прохлада и свист ветра уносили прочь остатки злости и горечи после недавней схватки, оставляя лишь чистую, незамутненную радость дороги. Все тревоги растаяли во тьме позади них.

<http://bllate.org/book/19654/1996772>